

Российская военная доктрина в редакции 2010 года: реакции и оценки политических и экспертных кругов Запада

Новикова Д. О.

В статье анализируются реакции и оценки западного экспертного и политического сообществ на российскую военную доктрину от 2010 года, а также рассматривается проблема восприятия Западом нового документа в российской внешней политике в целом.

Принятие военной доктрины РФ 5 февраля 2010 г. вызвало неоднозначную реакцию во всем мире, особенно в странах Запада. Очевидно, что эксперты и политики внимательно следили за комментариями, публиковавшимися в период подготовки данного документа, поскольку первые оценки доктрины стали поступать практически сразу после ее обнародования. Наибольший интерес в экспертном сообществе вызвали два аспекта нового документа, вокруг которых и развернулась основная дискуссия: это положения, касающиеся классификации внешних военных опасностей и военных угроз¹, а также ядерной политики России. Практически все аналитики обратили внимание на то, что семь из одиннадцати источников внешних военных опасностей, перечисленных в военной доктрине РФ, приписываются Западу, или, так или иначе, с ним связываются².

Этот документ в качестве военной опасности в первую очередь называет «стремление наделить силовой потенциал Организации Североатлантического договора (НАТО) глобальными функциями, реализуемыми в нарушение норм международного права, приблизить военную инфраструктуру стран — членов НАТО к границам Российской Федерации, в том числе путем расширения блока». Также угрозой затем называется «развертывание (наращивание) воинских контингентов иностранных государств (групп государств) на территориях сопредельных с Российской Федерацией

и ее союзниками государств, а также в прилегающих акваториях»; «создание и развертывание систем стратегической противоракетной обороны, ... милитаризация космического пространства, развертывание стратегических неядерных систем высокоточного оружия».

Широко обсуждаемым аспектом новой военной доктрины стала российская ядерная политика. Так, в новом документе содержится положение о том, что «сохранение и укрепление ядерного арсенала страны характеризуется как важнейший оборонительный фактор». Однако в доктрине 2010 г., в отличие от предыдущей ее версии, ядерное оружие рассматривается как важный фактор «предотвращения возникновения ядерных военных конфликтов и военных конфликтов с применением обычных средств поражения (крупномасштабной войны, региональной войны)». Но использовать его Россия может «в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства».

Реакции западных экспертов на военную доктрину 2010 г. представляли собой спектр весьма противоречивых оценок, от достаточно благожелательных или нейтральных до резко негативных. Достаточно условно можно выделить пять следующих типов реагирования и оценок:

Новикова Диана Олеговна — младший научный сотрудник Центра евро-атлантической безопасности ИМИ, МГИМО (У) МИД РФ.

Первый тип реакции на военную доктрину рассматривает документ как «PR-документ», рассчитанный на «внутреннюю аудиторию». Ряд экспертов, в частности, Д. Горенбург из Центра российско-евразийских исследований им. Дэвиса Гарвардского университета, расценили российскую доктрину 2010 г. как некий декларативный, во многом пропагандистский документ, который написан «для внутреннего употребления». Именно поэтому Западу не стоит «принимать его близко к сердцу»³. Исходя из данной оценки, новая военная доктрина никак не могла повлиять на отношения между Россией и Западом и воспринимать ее серьезно не следовало.

В качестве аргумента в поддержку данной точки зрения эксперты обращают внимание на тот факт, что практически одновременно с подписанием новой доктрины в России было принято предварительное решение о покупке французского вертолетоносца «Мистраль» (предварительные договоренности были достигнуты уже в начале марта). Маловероятно, что Россия стала бы закупать военный корабль у страны, входящей во вражеский блок, и еще менее вероятно, что другая сторона в такой ситуации стала бы его продавать. Очевидно, утверждает западный аналитик, что, во-первых, Россия не рассматривает НАТО в качестве военной угрозы или военной опасности, а во-вторых, в условиях явного технологического отставания в сфере обычных вооружений Россия все больше будет зависеть от западных стран на этом рынке. И хотя аналитики и признают, что есть некоторая странность в том, что Россия, развивая сотрудничество с НАТО, одновременно объявляет активность Североатлантического Альянса угрозой для своей безопасности, они расценивают это скорее как уступку старым генералам за проводящиеся в ходе военной реформы массовые сокращения армии и увольнения старого офицерского корпуса. «Кремль, похоже, просто вынужден оглядываться как на окружающих его «ястребов», так и на общественное мнение, во многом по-прежнему воспринимающее НАТО как враждебный блок», — подчеркивает Д. Горенбург⁴.

Вторая группа оценок военной доктрины трактует документ как непродуманный и противоречивый, который не соответствует реалиям современного мира, являясь отражением внутриаполитических противоречий в России. В соответствии с данной точкой зрения утверждается, что доктрина 2010 г.:

1. оторвана от реальности;
2. составлена намеренно расплывчато и туманно;
3. не отражает реальные проблемы в сфере безопасности;
4. не задает стратегического направления развития и структурирования военной организации России⁵.

Такой подход наиболее четко прослеживался в выступлениях западных политиков, прежде всего, руководства НАТО. Так, генеральный секретарь НАТО

Расмуссен подчеркнул, что российская военная доктрина «не отражает современных реалий» и «явно противоречит всем попыткам улучшить отношения между НАТО и Россией». По его мнению, «НАТО не угрожает России и не является ее врагом». По заявлению Расмуссена, действительность — это «стратегическое партнерство» между Россией и НАТО, необходимое в силу того, что «мы стоим лицом к лицу с теми же угрозами»⁶. Министр обороны ФРГ К. Гутенберг⁷, выступая на Мюнхенской конференции по безопасности, также призвал к продолжению и развитию диалога с Россией по проблемам безопасности. Глава внешнеполитического ведомства Польши Р. Сикорски в ходе той же конференции подчеркнул, что Россия не должна «выпадать из процесса развития НАТО», поскольку сотрудничество и партнерство Москвы с Североатлантическим Альянсом может помочь укреплению стабильности в кризисных регионах, что в любом случае Запад не хочет, чтобы Россия рассматривала его как противника⁸.

Что касается вопросов ядерной политики России, то ряд экспертов указывает на то, что в военной доктрине 2010 г. совмещается несколько противоречивых принципов. Так, в тексте доктрины указывается на то, что «в случае возникновения военного конфликта с применением обычных средств поражения (крупномасштабной войны, региональной войны), ставящего под угрозу само существование России, обладание ядерным оружием может привести к перерастанию такого военного конфликта в ядерный военный конфликт». В то же время, в другом положении документа говорится о том, что «недопущение ядерного военного конфликта, как и любого другого военного конфликта, — важнейшая задача Российской Федерации». Кроме того, интерес вызвал тот факт, что «обещанные» положения о «превентивных» ядерных ударах, о чем ранее заявлял в интервью секретарь Совета Безопасности С. Патрушев, в итоговый документ так и не вошли. Некоторые аналитики предположили, что в таком случае новая российская доктрина состоит из двух частей: открытой, которая была опубликована, и закрытой части, вошедшей в документ под названием «Основные принципы государственной политики в области ядерного сдерживания до 2020 года», принятый примерно в тот же период.

В целом, многие аналитики подчеркнули, что в тексте доктрины 2010 г. содержится очень много «общих мест» и банальностей, а перечисленные, не упоминавшиеся в прежних документах, угрозы и так очевидны, в то время как некоторые действительно актуальные проблемы либо не отражены вообще, либо отражены крайне бегло. Так, по мнению некоторых аналитиков, хотя расширение активности НАТО и Запада на постсоветском пространстве и рассматривается как главная внешняя военная опасность, достаточно очевидно, что Россия не собирается наращивать свой военный потенциал на западных

границах. В то же время действительно серьезные угрозы безопасности России следует ожидать скорее с южного направления, а также со стороны Китая, о чем в доктрине вообще ничего не говорится⁹.

В итоге, аналитики приходят к выводу, что доктрина 2010 г. — это то лучшее, что могло быть разработано в условиях серьезных дебатов различных группировок во властных структурах, поскольку на данный момент Россия ничего кроме компромиссного варианта доктрины объективно предложить не может.

Третья группа оценок военной доктрины 2010 г. рассматривает документ как антизападный, возвращающий стороны к риторике времен «холодной войны». Немало аналитиков расценили доктрину 2010 г. как документ, написанный «представителями власти с глубокими антизападными убеждениями». Он, в отличие от предыдущей доктрины 2000 г., более открыто заявляет о том, какую опасность представляет собой Запад для России. Это может свидетельствовать о преднамеренном нежелании российской стороны идти на улучшение отношений с Западом и НАТО¹⁰. Некоторые эксперты даже пришли к выводам, что в соответствии с новой доктриной Россия может использовать ядерное оружие в конфликтах на постсоветском пространстве, а также допускает возможность первого ядерного удара¹¹.

Р. Макдермотт, ведущий специалист отдела политических исследований и международных отношений Кентского университета заявил, что новая военная доктрина России бросает вызов политике «перезагрузки», которая была предложена Москве Вашингтоном. «Новая доктрина пытается обозначить «сферу влияния» России на постсоветском пространстве» и препятствует вступлению Грузии и Украины в НАТО в обозримом будущем — утверждает этот аналитик¹². О негативном влиянии доктрины на процесс «перезагрузки» писал также Р. Вайц, старший аналитик Гудзоновского института (Hudson Institute) в Вашингтоне. «Несмотря на то, что должностные лица министерства обороны США заранее проинформировали своих российских коллег о содержании недавно опубликованного четырехлетнего обзора оборонной политики США (Quadrennial Defense Review, QDR)¹³, ни американские, ни российские составители доктрин, как представляется, не приняли этот факт во внимание при создании своего собственного текста», — отметил эксперт¹⁴.

По его словам, новая военная доктрина РФ в основном описывает действия США как несущие некую угрозу для России, в то время как американский четырехлетний обзор обозначает Россию как потенциального партнера в борьбе с распространением оружия массового уничтожения, терроризмом, а также угрозами, которые несет применение баллистических ракет. В результате, подчеркивает аналитик, возникает «концептуальная асимметричность», когда в России основное внимание сосре-

доточено на гипотетических угрозах, исходящих от США и НАТО, а «американские стратеги стремятся получить поддержку российской стороны в войне в Афганистане, борьбе с международным терроризмом и государствами, представляющими угрозу с точки зрения распространения ядерного оружия, например Ираном»¹⁵.

Более того, по мнению голландского исследователя М. де Хааса¹⁶, голландский Институт международных отношений «Клинггендейл», положение о НАТО как об основном источнике опасности вообще является возвратом к стереотипам мышления времен «холодной войны». Однако Запад, наряду с Россией, также несет за это ответственность. Так, признание Западом независимости Косово дало Москве полное право признать независимость Абхазии и Южной Осетии. Кроме того, многие эксперты обращали внимание на тот факт, что за день до публикации новой военной доктрины России член НАТО Румыния заявила о согласии разместить на своей территории ракеты-перехватчики, входящие в систему ПРО США, а чуть ранее Польша объявила о размещении у себя американской ракетной базы¹⁷.

При этом Запад по-прежнему не реагирует на инициативу России о заключении Договора о европейской безопасности, который, в отличие от односторонних шагов США и НАТО, мог бы стать универсальным механизмом для урегулирования наиболее сложных международных ситуаций. Что касается сотрудничества России и Альянса по урегулированию кризиса в Афганистане, то, хотя за последнее время Москва действительно пошла на расширение сотрудничества с НАТО по Афганистану, разрешив транзит грузов для антиталибской коалиции, все договоренности работают преимущественно только на бумаге. Пока что грузы НАТО прошли по «северному пути» лишь один единственный раз. По мнению Т. Валашека, аналитика из Центра европейских реформ, «Москва настаивает на существенном вознаграждении за свои услуги. НАТО думает о партнерстве, а Россия видит здесь финансовые возможности»¹⁸. Наиболее жестко выразила свое мнение по данному вопросу М. Олбрайт, выступая перед депутатами ЕС в Брюсселе, заявив, что «Россия является лишь одним из партнеров НАТО, и ей не следует быть «яйцом, которое учит курицу»¹⁹.

В итоге, некоторые эксперты пришли к выводу, что Россия, не сумев найти точки соприкосновения в вопросе установления нового миропорядка с другими ведущими субъектами мировой политики и намеренно не желая установления хороших отношений с Западом и НАТО, приняла более агрессивную военную доктрину, которая может спровоцировать новую гонку вооружений²⁰.

Четвертый тип реакций на новую военную доктрину рассматривает ее как более честный по сравнению с предыдущими редакциями документ, который ясно обозначает потенциальную военную опасность и угрозу для России. Новый документ, по мнению

некоторых западных аналитиков, предположительно отражает процессы движения России к западному типу стратегического мышления, что соответствует более прагматичному подходу в российской внешней политике. Как утверждает С. Бланк, профессор Института стратегических исследований в Колледже Армии США, в новой военной доктрине более четко прописаны угрозы и вызовы, стоящие перед Россией в современном мире. «Доктрина классифицирует типы конфликтов и определяет, каким образом эти конфликты будут предотвращены». Что касается военной доктрины 2000 г., серьезное различие между ней и документом 2010 г. эксперт видит в том, что Россия не допускает решение конфликтов через применение ядерного оружия. Кроме того, установлены более жесткие границы применения ядерного оружия, а роль самого ядерного потенциала в российской военной политике несколько снижена²¹.

В целом, новая военная доктрина отражает постепенный сдвиг России в вопросах применения вооруженных сил к западным стандартам. Аналитики заметили, что высокоточное оружие в новом документе также названо оружием стратегического сдерживания. По их мнению, это свидетельствовало о том, что Россия намерена пойти по пути США в развитии этого вида вооружений²².

Аналитик Н. Соков (Центр исследования проблем нераспространения им. Джеймса Мартина в Монтерейском институте международных исследований) отмечал в этой связи: в военной доктрине России 2010 г. основной акцент сделан на развитии средств коммуникации, систем командования и контроля, других видов новейших вооружений, по которым Россия серьезно отставала от ведущих военных держав мира. И он сделал вывод, что ядерное оружие в стратегии России будет отходить на второй план.

Таким образом, по мнению западных экспертов, в новом российском документе от идеологических установок советского времени не осталось и следа, за исключением сохранения термина «вероятный противник». Так, С. Сараджан (Школа Кеннеди Гарвардского университета) замечает: в новой военной доктрине «российское руководство впервые решило ограничить, хотя и минимально, применение ядерного оружия»²³. В остальном же, как подчеркивают ряд экспертов, применение вооруженных сил России будет обусловлено практической необходимостью и в зависимости от обстановки в конкретном месте и в конкретное время. По мнению аналитиков, именно в соответствии с новой доктриной Москва сможет достаточно эффективно сотрудничать с Брюсселем.

Наконец, пятая группа оценок военной доктрины 2010 г. трактует документ как свидетельство значительного ослабления российского военного потенциала и превращения России в региональную державу. Еще одна группа западных экспертов считает, что новая доктрина свидетельствует о смещении акцента в российской военной политике с глобального

фокуса на региональный. Из этого они заключают, что фактически, Россия превратилась из глобальной в региональную державу и уже не предполагает действий в глобальном масштабе²⁴. В частности, Р. Паламакумбра в статье, опубликованной в Великобритании, отмечает, что «Россия постепенно теряет влияние в международных организациях, не являясь больше военной державой или надежным партнером в сфере безопасности». Сегодня Россия заинтересована только в постсоветском регионе, в котором сосредоточены ее жизненно важные интересы, ради которых она готова идти на конфликты, как, например, в случае с Грузией. По его мнению, хотя в доктрине сохраняются положения о том, что необходимо также быть готовым не только к региональным или локальным угрозам, но и к действиям более глобального характера, это только дань традиции. Более того, тезис о том, что Россия готова дать ядерный отпор даже в случае, если против нее будет совершена широкомасштабная агрессия «с применением обычного оружия», многие аналитики расценили как признак военной слабости России²⁵.

В итоге некоторые эксперты приходят к выводу, что Россия как региональная держава с ядерным потенциалом будет его использовать как сдерживающий фактор для других потенциально опасных стран. Однако такая ситуация вызывает озабоченность, не подвигнет ли подобная формулировка в российской военной доктрине другие страны к обладанию ядерным оружием, поскольку, развивая данную линию рассуждений, получается, что государство, имеющее ядерное оружие, как минимум обеспечивает себе сдерживающий арсенал. Другие эксперты также обратили внимание на то, что критическая угроза для безопасности России может исходить от более развитого соседа, не являющегося членом НАТО, который попытается использовать военную силу против России, например для решения территориальных споров²⁶.

Как отмечается в аналитическом документе, подготовленном министерством иностранных дел Швеции, «Россия, с одной стороны, не собирается отказываться от своих целей оставаться как минимум региональной державой, но с другой — полностью осознает существующие ограничения и опасности их достижения». Особо подчеркивается²⁷, что «потенциал России в области современных вооружений намного отстает от стран Запада».

Подводя итог анализу военной доктрины России 2010 г., большинство экспертов рекомендовали западным странам дать понять России, что новый документ является необоснованным и может излишне политизировать отношения России и Запада. С другой стороны, аналитики также отмечают, что Западу следует искать более активного сотрудничества с Россией, поскольку изоляция Москвы может привести только к радикализации российской позиции и подтолкнуть к сотрудничеству с государствами-изгоями

и экстремистскими движениями. Эксперты подчеркивают, что укрепление взаимодействия в военных и гражданских сферах, а также сотрудничество в борьбе с пиратством, терроризмом, сотрудничество России с НАТО поможет создать атмосферу доверия.

Как подчеркивают шведские аналитики, очевидно, что расширение НАТО как в географическом, так и в функциональном аспектах, занимает приоритетное место в российском стратегическом мышлении. При этом эксперты обращают внимание на тот факт, что «НАТО все-таки рассматривается не как военная угроза, а как военная опасность, что может свидетельствовать о том, что Россия хочет подчеркнуть свою озабоченность деятельностью НАТО, не говоря об Альянсе как основной военной угрозе своей безопасности»²⁸.

Следует отметить, что в целом среди западных политиков публикация новой российской военной доктрины вызвала намного меньший интерес, чем среди экспертного сообщества. За исключением комментариев, сделанных в ходе Мюнхенской конференции 2010 г., прежде всего руководством НАТО, официальных оценок по поводу данного документа практически не было. В экспертном сообществе реакция на доктрину 2010 г. была гораздо более заметной. При этом разделы доктрины, касающиеся НАТО и Запада, вызвали большее внимание, чем положения о применении ядерного оружия. При этом, многие комментарии были больше похожи не на аналитические выводы, а на эмоциональную реакцию, без сколько-нибудь детального рассмотрения текста документа.

Так, ряд обсуждаемых западными экспертами положений доктрины, особенно по ядерной политике, рассматривались вне контекста российских военных доктрин в редакциях 2000 г. и 1993 г., а также

ядерных доктрин других государств. В целом, среди западных комментариев и оценок российской военной доктрины в редакции 2010 г. преобладали негативные высказывания, трактующие документ или как не соответствующий духу и состоянию современных международных отношений, или как глубоко антизападный. В лучшем случае, документ расценивался как результат глубоких противоречий среди российских политических элит, преобладающая часть которых разрабатывает «антизападные» военные доктрины, а другая часть стремится к сотрудничеству с Западом и НАТО, вплоть до вступления в Альянс самой России.

Подобные оценки западных экспертов российской военной доктрины могут привести к искаженному восприятию внешней и оборонной политики России. Более того, спекуляции о российской ядерной политике «первого удара» или намеренном нежелании России идти на сближение с Западом могут преследовать цели скрыть существующие проблемы в стратегическом мышлении самого Запада и оправдать такие проекты, как создание глобальной системы ПРО США. В целом, анализ комментариев западных экспертов, за некоторыми исключениями, может свидетельствовать о довольно сдержанном или предвзятом восприятии России и российской внешней политики, основанном не на реальных оценках положения дел, а скорее на достаточно глубоко укоренившихся негативных стереотипах и подозрительности в отношении России.

Summary: The article analyzes the reactions and assessments of the Western expert and political communities concerning the 2010 Russian military doctrine, and deals with the problem of perception of the West of the new document in Russian foreign policy in general.

Ключевые слова

российская военная доктрина в редакции 2010 г., российская внешняя политика, восприятие российской внешней политики на Западе, реакции западного сообщества на российскую военную доктрину, оценки и комментарии политических и экспертных кругов Запада

Keywords

Russia's military doctrine 2010, Russia's foreign policy, perception of Russian foreign policy in the West, reaction of the Western community to the Russian military doctrine, assessments and commentaries of the political and expert circles of the West

Примечания

1. В доктрине 2010 г. разграничиваются военная опасность как «состояние межгосударственных или внутригосударственных отношений, характеризующее совокупностью факторов, способных при определенных условиях привести к возникновению военной угрозы»; и военная угроза как «состояние межгосударственных или внутригосударственных отношений, характеризующее реальной возможностью возникновения военного конфликта между противостоящими сторонами, высокой степенью готовности какого-либо государства (группы государств), сепаратистских (террористических) организаций к применению военной силы (вооруженному насилию)».
2. R. Rozoff. NATO Expansion, Missile Deployments And Russia's New Military Doctrine // Global Research, February 13, 2010
3. D. Gorenburg. Russia's new military doctrine: An Exercise in Public Relations February 8, 2010// <http://russiamil.wordpress.com/>

■ Международные отношения

4. Ibid.
 5. D. Brunnstrom. Russian doctrine does not reflect real world — NATO //Reuters, February 7, 2010, <http://www.reuters.com/article/idUSTRE6150NI20100206>
 6. T. Tasovac Russia, NATO wrangle over military doctrine // Deutsche Welle, 07.02.2010 <http://www.dw-world.de/>
 7. См. Munich Conference 2010 <http://www.securityconference.de/>
 8. Ibid.
 9. R. McDermott Russian Military Doctrine Looks East // Eurasia Daily Monitor, 23 February 2010
 10. D. Galperovich Much Has Changed Since Russia's Last Military Doctrine // Radio Free Europe/Radio Liberty, March 03, 2010 http://www.rferl.org/content/Much_Has_Changed_Since_Russias_Last_Military_Doctrine/1973713.html
 11. Возможность применения упреждающего ядерного удара появилась еще после распада СССР в основах военной доктрины РФ в 1993 г. и затем зафиксирована в военной доктрине 2000 г.
 12. R. McDermott New Russian Military Doctrine Opposes NATO Enlargement // Eurasia Daily Monitor , 16 February 2010
 13. См. The Quadrennial Defense Review, US Department of Defense, 02.01. 2010 // <http://www.defense.gov/>
 14. R. Weitz. Global Insights: Russia's New Military Doctrine Reaffirms Old Values // World Politics Review. 09 Feb 2010
 15. Там же.
 16. M. de Haas. Cold War Military Doctrine // The Moscow Times, 11 February 2010
 17. См. R. Rozoff. NATO Expansion, Missile Deployments And Russia's New Military Doctrine. // Global Research, February 13, 2010, T. Z. Collina U.S. Taps Romania for Missile Defense // Arms Control Today, March 2010
 18. T. Valasek. What should NATO's New Strategic Concept Say About Russia? // Center for European Reform, 09 March 2010 <http://centreforeuropeanreform.blogspot.com/>
 19. MEPs debate NATO's future role with Madeleine Albright//Europa-Parliament, Security and Defence, <http://www.europarl.europa.eu/>
 20. R. F. Johnson. Medvedev, Putin, and the Mistral //The Weekly Standard. March 5, 2010 <http://www.weeklystandard.com/>
 21. См. интервью С. Бланка «Голосу Америки», 08 февраля 2010 г. // <http://www1.voanews.com/english/news/>
 22. N. Sokov The New 2010 Russian Military Doctrine: The Nuclear Angle // James Martin Center for Nonproliferation Studies, February 2010
 23. S. Saradzhyan. Nuclear `Constraint` in Russia.//ISN Security Watch, 10 February 2010
 24. R. Palamakumbura Russia's already irrelevant "New" military doctrine // UK Defence Forum, 18 March 2010 <http://ukdf.blogspot.com/2010/03/russias-already-irrelevant-new-military.html>
 25. J. W. Kipp Russia's Military Doctrine: New Dangers Appear // Eurasia Daily Monitor, February 22, 2010
 26. Подобные выводы делаются из следующей формулировки военной доктрины 2010 г.: «РФ оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против РФ с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства». При этом, игнорируется текст военной доктрины РФ 2000г., в частности следующее положение: «РФ оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение против нее и(или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового уничтожения, а также в ответ на крупномасштабную агрессию с применением обычного оружия, в критических для национальной безопасности РФ ситуациях». Очевидно, что в редакции 2010г. по сравнению с доктриной 2000 г. критерии применения ядерного оружия практически не изменились, а возможно, даже стали несколько жестче.
 27. C. Vendil Pallin, F. Westerlund, Russia`s Military Doctrine – Expected News // RUFBS Briefing #3, February 2010. http://www.foi.se/upload/projekt/RUFBS/RUFBS_Briefing_feb_10.pdf
 28. Ibid.
-